

САМСТАЯ СТАРЫЕ
Страницы

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Отрывки из романа

В 1930 году в журнале «Борьба миров» был напечатан научно-фантастический роман-утопия «Следующий мир» Эммануила Семеновича Зеликовича.

Профессор математики Джемс Брукс и его ассистент Вилли Брайт загадочным образом исчезают. Столь же непонятным образом Брайт возвращается и рассказывает удивительную историю: Брукс нашел способ проникнуть в «четвертое измерение», литературный прием, с помощью которого герои оказываются в «соседнем мире», на неизвестной планете.

Об их необычайном путешествии, пережитых приключениях читатель и прочтет в публикуемом отрывке.

Профессор казался бледнее обыкновенного. Резким движением он включил предмет своей гордости — большой резонатор.

...В сотый раз загорелась яркая лампа, и поток мощных лучей с жужжанием и свистом прорвал «люк» в следующий мир. Профессор взглянул на хронометр: было четы-

ре часа утра. Затем он взял меня под руку, и мы одновременно вступили в поле действия четырехметровых волн.

Раздался привычный взрыв, выбросивший нас за пределы пространства в абсолютную тьму.

* * *

Это был головокружительный момент, похожий на провал в бездну. Мы прыгнули, вытянув вперед руки, и упали с высоты не более двух метров. Опустившись на почву, мы остались лежать ничком, не осмеливаясь поднять голову.

— Вы невредимы, Брайт? — тихо спросил профессор, но мне показалось, что его голос прозвучал более звонко, чем обычно.

Я нащупал в темноте его руку и ответил:

— Да. А вы себя как чувствуете, мистер Брукс? Не ушиблись?

— Нисколько. Все прекрасно — перчатки защитили руки и смягчили падение.

Наши глаза, привыкшие к сильному освещению коттеджа, ничего не различали в этой крошечной тьме. Сзади нас, журча и искрясь, изливались потоки волн резонатора. Через «люк» мы видели яркий объектив и смутные очертания кусочка нашей родины.

— Выключите резонатор! — скомандовал профессор.

Я нащупал в сумке рычажок, два раза повернул его и нажал кнопку. Тотчас же раздался удар, подобный стуку захлопываемой крышки пустой деревянной коробки. И маленькое отверстие, связывавшее нас с нашим миром, исчезло..

— Давайте сядем, Брайт, и обсудим положение, — сказал профессор. — Мы не ослепли, иначе бы не видели отсюда света резонатора. Возможны три варианта: первый — здесь всегда темно, второй — теперь ночь, третий — световые волны этого мира не соответствуют устройству наших глаз. Ба! — воскликнул он. — Мы настолько растерялись, что упустили из виду самые простые вещи — ведь у нас же с собой электрические фонари!

Он порывлся в своей сумке, и через мгновение яркий луч прорезал черное пространство и быстро исчез.

— Все в порядке. Но не будем злоупотреблять светом — мы не знаем, кто нас окружает. Необходимо быть крайне осторожными. Двигаться тоже не следует, чтобы не свалиться с горы или не упасть в яму. Посидим спокойно и обождем. Если положение не изменится, подумаем, что делать дальше.

Было очень жарко, но не чувствовалось, однако, ни малейшей духоты. Необычайно свежий, пропитанный озоном воздух действовал опьяняюще. Голова кружилась, пульс участился. Ощущение бодрости и энергии повышалось до степени энтузиазма. Хотелось двигаться, прыгать, петь, кричать.

Прошло около часа. Внезапно вдали что-то засветилось. Это было отражение на вершущках гор вспыхнувшего на противоположной стороне горизонта зарева. Свет быстро усиливался, и показался выпуклый край луны.

— Прекрасно! — обрадовался профессор. — Есть луна, значит, будет и солнце! А это еще что такое?..

Я увидел в другом месте более яркое зарево. И вскоре появилась еще одна — огромная — луна.

Не успели мы налюбоваться этими светилами, как горизонт вспыхнул в новом месте, и показалась третья, на этот раз меньшая луна... Мы вскочили, переводя глаза с одной на другую. Стало уже настолько светло, что можно было читать книгу. Нашим глазам открылся своеобразный ландшафт.

— Какая красота! — воскликнул профессор. — Трудно представить себе, чтобы нечто... но что же это наконец?!

Я обернулся и увидел одновременно выплывавшие... еще две луны.

— Пять лун! Где это видано! Если бы на Земле знали...

— Стоп! Вот шестая...

Но профессор ошибся — это не была луна: появлявшееся светило походило на широкий язык, который вытягивался под углом вверх. Причем он был не сплошным, а состоял из нескольких слоев.

— Кольца?.. Неужели же...

Вскоре показалась выпуклость огромного шара. Он быстро выплывал, его исполинские размеры все увеличивались...

— Сатурн! Совершенно похожий на наш! Но какой гигант!

— Потому что близок. И наш достаточно велик. Земля могла бы катиться по его кольцам, как мяч по шоссе...

Еще несколько минут — и «Сатурн» целиком предстал перед нашими изумленными взорами. Его размеры потрясали; площадь ядра казалась в сотни раз больше нашей Луны, а вместе с кольцами светило занимало громадную часть неба. В довершение ко всему продолжали показываться в разных местах горизонта все новые луны...

— Но сколько их! Когда же будет конец?..

— Пока восемь. Будем считать дальше...

За восьмой выплыла девятая, за нею десятая... Вскоре появилась и одиннадцатая...

Поднимаясь, «Сатурн» и луны приобретали серебристо-блестящий отлив. Стало светло, почти как на Земле в облачный день. Но это был совершенно иной свет... Некоторые луны начали уже опускаться, зато появились еще две новые...

— Это еще не все — завтра, Брайт, вы увидите солнце, по сравнению с которым наше дневное светило покажется жалким пигмеем!

— Почему?

— Солнце-геркулес! — вдохновенно продолжал профессор. — Какой массой оно должно обладать, чтобы удерживать на таком близком от себя расстоянии эту гигантскую планету с ее спутниками!

— Но из чего вы заключаете, что они близки?

— Как «из чего»? — поразился профессор моей недогадливости. — А сила освещения «Сатурна» и лун? А температура окружающей нас атмосферы?

«Сатурн» между тем приближался к зениту, сверкая, как полированное серебро. Окружавший его световой ореол образовал новое гигантское кольцо с исходящими радиально лучами, наподобие северного сияния. Оно заняло не менее трети неба. Ослепленные, мы могли продолжать свои наблюдения, только надев черные очки.

Луны приближались к горизонту и одна за другой исчезали.

Перейдя свой зенит, «Сагурн» начал быстро опускаться. Ореол поблек, сила света уменьшалась, серебристый отлив становился матово-желтым.

— Я жду с нетерпением утра, — сказал профессор. — Ждать осталось недолго. Предлагаю вам, Брайт, поспать.

После непродолжительного спора я подчинился авторитету профессора и устроился на ночлег.

Спать почти не пришлось.

— Брайт, солнце!

В расплавленном металле горизонта красовался огромный багровый шар. Вершины гор горели в огне. Не теряя времени, мы достали приборы и занялись наблюдениями.

Внезапно подзорная труба выпала из рук профессора. Я обернулся. Джемс Брукс застыл с мутно-неподвижными глазами.

— Что с вами, мистер Брукс?

— Смотрите! — отрывисто бросил он, протянув вперед руку.

На горизонте лежало второе солнце, раз в десять больше первого!

Безмолвно наблюдали мы оба светила, пока выплывавшее из-за горизонта третье солнце не вернуло нам дар слова.

— Мистер Брукс! — закричал я. — Что это значит? Куда мы попали?..

Впечатление было потрясающее... Я схватил профессора за руку и тряс ее.

— Вот видите, Брайт! Я правильно предугадал мощный центр тяготения!

Волнение лишило нас работоспособности. К тому же становилось невыносимо жарко — надо было поискать тень. Но предварительно следовало заметить место, где находится по ту сторону пространства резонатор. Мы построили из камней холмик и воткнули в него деревянный стержень с тряпкой.

Расположенные неправильным треугольником, солнца стояли уже сравнительно высоко. Первое, средней величины, было несколько светлее нашего Солнца; второе, самое большое, имело оранжевый цвет; третье, меньшее из всех, испускало ослепительно белые лучи с фиолетовым оттенком.

Мы не снимали более темных очков: море света было невыносимо для глаз. На поверхности почвы уже нельзя было различить никаких неровностей — все слилось в ослепительно сверкавшую белую равнину.

Мы поспешили укрыться в тени ближайших гор.

В тени стало несколько легче, но ненадолго: солнца поднимались все выше. Раскаленные шлемы пришлось давно снять и обвязать головы платками, а также сбросить все доспехи и верхнюю одежду. Кожа на руках была обожжена и мучительно горела. Самочувствие ухудшалось. А голод и жажда заставили нас легкомысленно покончить с провиантом и остатками воды.

— Придется вернуться на Землю, — сказал профессор. — Но теперь мы уже знаем, чем необходимо запастись, отправляясь сюда. Мы привлечем ряд лиц, которые уже не сочтут нас более фантазерами и не побоятся примкнуть к нам. Мы организуем большую международную экспедицию для исследования этой планеты. Это будет небывалым событием в истории человечества!

Едва волоча ноги, мы двинулись к исходному пункту.

— Включите резонатор! — скомандовал профессор.

Я стал вращать ручку магнето, ожидая открытия «люка» и шума искрящихся лучей. Но тишина не нарушалась.

— Дайте мне... проверить аппаратуру, — неестественно медленно произнес профессор.

Он проверял и пробовал, крутил и вращал, настраивал и перестраивал. И снова пробовал. Но ничто не помогало.

Томительно текли долгие минуты. Дрожащими руками профессор продолжал свою работу. Но все его попытки по-прежнему были бесплодны. Тогда он оставил магнето в покое и сел. Лицо его было бело, с висков сползали крупные капли пота.

— Все кончено, — хрипло проговорил он. — Мы не вернемся отсюда.

Солнца поднимались все выше.

Я тряхнул отяжелевшей головой и сказал:

— Почему, дорогой мистер Брукс, вы потеряли всякую надежду? Быть может, в коттедже случайно прерван ток?

— Нет, — жестко отрезал он. — Причина несчастья гораздо страшнее и глубже, чем вы думаете. Мужайтесь и слушайте: пространства смещаются, а планеты летят в них с огромными скоростями. Уже миллионы миль отделяют нас от Земли.

Мы смолкли, покорно отдавшись судьбе. Потянулись часы мучительной жажды, голода и разьедающей весь организм слабости.

Внезапно меня осенила мысль, которую я не замедлил высказать:

— Мистер Брукс! А мистер Брукс?!

— Да?..

— Земля пробегает вокруг Солнца тридцать километров в секунду. Планета, на которой мы находимся, также движется. Кроме того, смещаются и сами пространства. Так ведь?

— Да, так.

— Почему же в таком случае, когда мы попали сюда, резонатор стоял неподвижно, пока я не выключил его?..

— Признаюсь, вы озадачили меня. Не могу создать в настоящий момент никакой гипотезы. Наш жалкий трехмерный мозг не в состоянии постичь структуру четырехмерного мира.

Стало как-то легче: отчасти от понизившейся к вечеру температуры, отчасти от высказанной мною мысли, возбуждившей в глубине души маленькую надежду.

Закат солнца оказался не менее прекрасным, чем восход. Сумерек почти не было, и вскоре мы очутились в такой же тьме, как вчера. День длился около пяти часов.

Затем началось повторение грандиозного лунного зрелища прошлой ночи. Но теперь нас, затерявшихся и погибающих в чужом и чуждом мире, уже не подавляло величие этой земной красоты.

— Я думаю над вашим вопросом, Брайт. Гипотез и теорий много. Но даже в лучшем случае найти в бесконечном пространстве этого мира точку, где находится в данный момент Земля с резонатором, безнадежнее, чем отыскать в Тихом океане потерянный атом. Как видите, утешительного мало.

«Сатурн» заходил. Прошел еще один долгий час.

— Мистер Брукс, с тех пор как мы покинули Землю, вы не сомкнули глаз. Я прошу вас, несмотря ни на что, поспать.

— Вы заботитесь обо мне, как сын об отце, дорогой Брайт. Хорошо, я попытаюсь — в прошлый раз вы мне уступили.

Несмотря на трагизм положения, профессор вскоре уснул.

Мне стало как-то все безразлично. Впав в апатию, я лишь усиленно старался отгонять мысли о жажде и голоде.

Горизонт засветился и стал алеть. Восходило первое солнце. Так как бояться здесь было некого, я последовал примеру профессора: оперся о свой мешок и погрузился в забытьё.

* * *

Когда я проснулся, Джемс Брукс был уже на ногах. Он заботливо укрыл меня во время сна от палящих лучей солнца, уже высоко стоявших в небе.

— Что теперь... Брайт? — тихо спросил он, не глядя на меня.

— Теперь надо все же укрыться в тени.

Ощущение голода несколько притупилось, но жажда стала невыносимой. Напрягая остатки сил, мы с трудом достигли ближайшего убежища и в изнеможении опустились на «землю».

Солнца во всем своем великолепии заметно передвигались по идеально чистому небу. Мы ни разу не заметили здесь ничего похожего на облако.

Бездумно всматриваясь в глубокую, пустую синеву горизонта, я внезапно обнаружил какую-то точку. Лениво вынул из мешка подозрную трубу и занялся наблюдением.

— Что вы открыли там, Брайт? — вяло протянул профессор.

Я не ответил — мое внимание было приковано к приближавшимся с большой скоростью девяти продолговатым предметам.

Джемс Брукс поднял голову.

— Что там такое? — настойчиво повторил он вопрос.

Я молча протянул ему трубу. Судя по тому, как быстро он выхватил ее из рук, выражение моего лица, по-видимому, сильно изменилось.

— Брайт! Это люди, живые существа! Мы спасены!..

* * *

Через несколько мгновений неподалеку от нас опустились изящные эллипсоиды метров десяти в высоту и двадцати пяти в длину. Их поверхность состояла из шестиугольных блестяще-черных, как полированный мрамор, граней: серебристые оправы граней сверкали на солнцах. Ни крыльев, ни пропеллеров у этих воздухоплавательных снарядов не было.

— Брайт! Здесь должны быть необычайно культурные существа. Их техника выше нашей — они на тысячелетия опередили нас!

В серединах снарядов виднелись очертания кругов. Круги-диски стали вращаться и через минуту отскочили в сторону. Из проемов вышли человекообразные существа.

— Брайт! Они прилетели с «Сатурна»! Это сатурниты!..

Бросались в глаза серебристо-блестящая чешуйчатая поверхность тела, головы и лица этих существ и их рост, превышав-

ший, на глаз, два с половиной метра. Благодаря чешуе они производили впечатление стаи огромных фантастических человеко-рыб. Пропорционально сложенные, они были очень стройны.

Легкой поступью неведомые существа быстро направились к нам. Казалось, они не случайно на нас набрели и даже не искали нас, а знали, что мы здесь находимся, и специально из-за нас прилетели. В движениях великанов чувствовался общий гармонический ритм. Они были страшны своим ростом, и я растерянно пробормотал:

— Спасение ли это?.. Не преждевременна ли ваша радость? Так называемые «цивилизованные люди» бывают хуже зверей. Сатурниты остановились. Один из них отделился от группы и подошел к нам...

Я убедился, что он был совершенно человекообразным существом. «Что же, — подумал я. — Отсюда следует, что структура нашего тела наиболее целесообразна. Здесь действует, очевидно, общий для организмов всех миров закон, на основании которого филогенетический процесс завершается формой человеческого тела».

Сатурнит протянул к нам руку, мы инстинктивно отшатнулись. Тогда он отошел к своим товарищам, но тотчас же вернулся с какими-то плодами. Это был уже явный акт дружеского любия.

— Берите же, Брайт!

Профессор улыбался. Он с восхищением смотрел на наших гигантских спасителей. Я робко взял плод и начал его есть. Он был чудесен! Появился и сосуд с водой — самой настоящей и притом холодной водой... Затем нам принесли пищу. Необыкновенно вкусная! Мы попытались угадать, из чего она приготовлена, но не смогли.

Утолив голод и жажду и придя в себя после первых впечатлений, мы снова ощутили невыносимую жару. Сатурниты же, по-видимому, несколько от нее не страдали: как ни в чем не бывало они стояли под палящими лучами солнц с непокрытыми чешуйчато-безволосыми головами... Но вот один из них вошел в снаряд и вернулся оттуда с... чешуею в руках!

— Так это... одежда!..

Мы переглянулись и расхохотались. Сатурнит издал звук — мелодично-протяжное «и-ии».

Как только чешуя была вручена нам, мы сбросили с себя тяжелое, грубое земное облачение и через минуту щеголяли в новых «костюмах». Они пришлись как раз впору — это был, очевидно, «детский размер».

— Выступить бы в этом «смокинге» в университете на лекции... — пробормотал профессор, ощупывая свои блестящие рукава. — Мои дорогие коллеги уже давно подозревают, что я не в своем уме...

Своеобразный наряд, эластичный и легкий, оказался необычайно прохладным; мы сразу почувствовали себя свободно и бодро. Искусно сотканный из отдельных блесток, он плотно, но вместе с тем мягко и нежно облегал все тело и лицо. Его блестящая поверхность отражала максимум солнечных лучей, которые, казалось, совершенно не падали на наши головы.

Сатурнит, подавший нам чешую, явно выражал намерение

беседовать с нами: плавно двигая руками, он указывал на нас, на небо и почву.

— Ба! — воскликнул профессор. — Естественный вопрос: он спрашивает, откуда мы взялись и как сюда попали. Но как им объяснить это? Вот действительно задача! Попытаемся.

Профессор достал карандаш и записную книжку. Несколько сатурнитов окружили его. Джемс Брукс стал чертить геометрические фигуры и системы координат, желая навести этим на мысль о четвертом измерении. Когда он кончил, спрашивавший протянул руку к исписанным листкам. Профессор вырвал их и отдал ему.

— Не продемонстрировать ли им теперь нашу аппаратуру, Брайт, как вы думаете?

Я покорно достал магнето. Поднял и показал его. Покрутил ручку и...

...и в тишину ворвались жужжанье и свист; взрывом проломилось пространство; в зияющем черном провале за-

сверкали каскады искр.

— Брайт!..

— У-ва-уу!.. — хором вырвалось из уст зрителей.

— Брайт! Мы сможем вернуться на Землю! Но нет, нет, нет, теперь... Сначала отправимся с ними! А, Брайт?..

Но ко мне еще не вернулся дар речи.

Тогда Джемс Брукс обвел взором величественную толпу сверкающих на солнце великанов и медленно произнес:

— Никогда еще, дорогой мой юноша, я не испытывал такого прилива гордости, как в момент этой невольной демонстрации трудов моей жизни перед этой достойнейшей аудиторией!

— И я горжусь! — прорвало меня наконец. — Вами, вами, дорогой мистер Брукс!

Мы яростно трянули чешуйчатые руки друг друга.. Но сатурниты разлучили нас — схватили, высоко подняли и понесли к снарядам. С пением «и-вү-йи» последовали за ними все остальные.

Солнца катились к горизонту.

* * *

Сатурниты быстро разместились по снарядам и завинтили диски.

Внутреннее пространство эллипсоида представляло собой огромный зал. Шестиугольные грани, выглядевшие снаружи черными, оказались полупрозрачными — пропускали мягкий, ровный свет.

Сложная, гармонично расположенная обстановка производила впечатление легкости и совершенства. Мозаичные подобию столов, диванов и кресел, как и множества различных других предметов и приспособлений, поражали богатством цветов и форм чуждой нам красоты. Все искрилось и блестело, но мягко, не резало глаз, при повороте же головы меняло тон. Воздух был пропитан приятным ароматом. И никаких машин..

Темнело. Грани медленно засветились голубым... Причудливо переливаясь голубыми тонами, обстановка приобрела сказочный, фантастичный вид.

Все сели. Ощутилась возрастающая тяжесть в ногах; какая-то сила прижала тело к сиденью и спинке кресла. Очевидно, снаряд стал ускоренно двигаться — под большим углом к горизонту. Произошло это плавно и бесшумно. Ощущение тяжести в ногах и теле вскоре стало исчезать.

— Но где же все-таки машины?..

— Не видно... Да, Брайт, нам так же трудно понять механику этого полета, как дикарю — действие радиоприемника. Посмотрим, однако, как далеко мы улетели от нашей луны.

Я стал искать ее глазами в шестиугольных окошках, но ничего не увидел: испуская голубой свет, они потеряли прозрачность..

Сидевший возле нас сатурнит указал вниз. Семь окошек, прекратив свечение, стали кристально прозрачными... Поле зрения занимал огромный блестящий серп.

— Судя по видимым размерам планеты, мы удалились от нее уже на тысячи миль. Нет, Брайт, тут что-то не сходится: при ускорении, необходимом, чтобы покрыть за такое малое время подобное расстояние, далеко не достаточно чувствовать

Рисунки Г. КОВАНОВА

только некоторую тяжесть в теле. Здесь действуют какие-то специальные приспособления сатурнитов. Изумительная техника!

Сатурнит подвел нас к одному из столов и наклонил его доску. Мы увидели на темном фоне изображение «Сатурна» с четырнадцатью лунами. Огненно-желтые, они двигались и вращались. Я заглянул под стол.

— Напрасно ищете, Брайт, ничего там не найдете. Не сомневаюсь, что это изображение транслируется с их планеты.

Обратив наше внимание на видневшийся в окошках серп, сатурнит указал один из спутников «Сатурна» на изображении. Ясно: нас сняли с этой луны!

— А спросите-ка его, Брайт, куда мы летим, — спровоцировал меня Джемс Брукс.

Я обвел руками пространство эллипсоида, вытянул палец в направлении полета, а затем к столу. Сатурнит указал не центральную планету, а один из ее спутников.

— Он не понял, мистер Брукс.

— Прекрасно понял, Брайт. И дал правильный ответ — мы летим именно на эту луну.

— Ах, так вот чем объясняется, что сатурниты не страдали на покинутой нами планете от сравнительно слабых тяготения и атмосферного давления! Они не с «Сатурна»!..

Сатурнит прислушивался к нашему разговору...

— Мистер Брукс, а вам не кажется, что он... понимает, о чем мы говорим?..

— Давно кажется, Брайт. Мы не знаем, что это за существа и какие у них способности...

Один из сатурнитов поднял руку, другой обхватил нас за талии. Снаряд плавно опрокинулся «вниз головой»... Мы забарахтались, как пойманные лягушки, — потеряли свой вес.

Через несколько мгновений мы снова стояли на полу, но теперь под ним была планета, к которой мы приближались. Сатурниты проделали этот сложный межпланетный фокус с поразительной ловкостью, спокойной уверенностью и быстротой.

Когда наши талии были освобождены, мы беспомощно повисли, потеряв всякое чувство ориентировки. Потолок, стены и пол смешались... Мы застывали в пространстве в любом положении, а при движениях руками и ногами летели в различных направлениях.

— Мы свободно падаем на планету под действием ее «земного ускорения», — рассуждал профессор, расположенный перпендикулярно мне, касаясь головой моей головы.

— Почему вы так странно стоите, мистер Брукс?..

— Я-то стою прямо — это вы прицепились ко мне под углом!

Я попытался привести Джемса Брукса в параллельное себе положение, но стукнулся носом о его ногу, и мы разлетелись в разные стороны. Ударившись попутно о какого-то сатурнита, я благополучно достиг головой стены. Профессор ухитрился примкнуть левой ногой к потолку; правая болталась в воздухе.

— Брайт, зачем вы стали на голову?

— Я думаю о том, почему резонатор начал вдруг действовать. А в этой позе удобно размышлять.

— Можете стоять на голове целый день — не поможет. Предполагаю, что главная причина, — рассуждал профессор, плавно покачиваясь, подобно шару с водородом, вокруг своей ненадежной точки опоры, — в относительности времени. В разных мирах оно может различно...

Слишком энергично взмахнув рукой, Джемс Брукс лишился всякой опоры. Но тем не менее мужественно продолжал:

— ...различно протекать. Однако возможны совпадающие моменты. В такие именно моменты резонатор и должен отвечать на призывы магнето.

Сатурниты привыкли, очевидно, к подобным полетам — они свободно витали в пространстве. Что же касается предметов, то большинство их было прикреплено к поверхностям, которые недавно назывались «полом», «потолком» и «стенами». Практически же таких здесь не было — содержимое снаряда равномерно распределялось по всей его эллиптической поверхности. А различные неприкрепленные мелочи плавали в воздухе и при прикосновении к ним разлетались в стороны. У сатурнитов были специальные удочки с крючками и сетками, так что им не стоило труда поймать любой предмет.

— Давайте, Брайт, помечтаем, — предложил профессор, переворачиваясь на «потолке» на другой бок. — Если гипотеза, которую я высказал, справедлива, мы сможем попасть в другие солнечные системы. Перенеся оборудование на планету сатурнитов, мы перешагнем вторую границу миров и попадем в третье пространство. Так мы облетим с вами ряд миров вселенной!

Охвативший меня восторг должен был вылиться в движение. Потрясенный услышанным, забыв о весе своего тела, я бросился обнимать Джемса Брукса.

— Осторожно! Тише! Разобьете себе голову!..

Но было уже поздно: кувыркаясь и размахивая безудержно болтавшимися руками и ногами, я полетел отнюдь не в желаемом направлении. При описании мертвой петли один из сатурнитов подцепил меня удочкой за ногу и сунул под некое подобие дивана. Я оказался в тихой пристани.

Профессор осторожно, во избежание непредвиденностей, расхохотался.

— Держитесь там спокойно и не шевелитесь, Брайт. Своей неудачной выходкой вы сбили меня с мысли. Так вот: мы войдем в контакт с сатурнитами и будем вместе работать. У них должны быть ученые, по сравнению с которыми мы окажемся школьниками. Мы воспользуемся их техникой — перенесем межпланетные снаряды на Землю и облетим всю нашу солнечную систему! Спокойно, спокойно, Брайт! Не вылезайте оттуда!

— М-да... — сдержанно промычал я, обогащенный опытом.

* * *

Тела стали тяжелеть и плавно опускаться: ускорение падающего снаряда, очевидно, искусственно уменьшалось.

Рядом со мной стоял профессор. Один из сатурнитов указал на окошки под ногами. Мы увидели ярко-белую планету в фазе

полнолуния. Затем прояснились семь граней сбоку, в которых показался маленький желтый серп покинутой нами луны.

Планета, на которую мы стремительно падали, быстро увеличивалась, выходя за пределы поля зрения.

— Вскоре мы прибудем, — объявил профессор, держа в руках свой хронометр. — Сатурниты пересекают пространство с не постижимой для наших понятий быстротой!

На нашей луне уже отчетливо виднелись черные океаны и матовые материка.

— Чувствуете, Брайт, что становится все теплее?

— Да, мы вошли, очевидно, в сферу тепла планеты.

— Не потому: это происходит вследствие сопротивления атмосферы. Вспомните о метеорах. Метеориты раскаляются и испаряются, а этим снарядам ничего! Только внутри немного теплее...

Все сели. Я ощутил быстрое увеличение веса и вторично оказался прижатым к сиденью и спинке кресла.

Затем почувствовался легкий толчок снизу. Через минуту отскочил диск снаряда. В проем хлынул поток яркого дневного света.

— Полет продолжался 6 часов и 23 минуты! — восхищенно воскликнул профессор. — Это изумительно и невероятно! Мы не оценили еще, Брайт, их бесподобную, блестящую технику: межпланетный полет далеко не прост! Я преклоняюсь перед ними — они гении по сравнению с нами!

Сатурниты собрались у выхода, уступая нам первым дорогу. Отяжелевшие ноги плохо слушались; сатурниты взяли нас под руки, и мы с волнением вступили на почву Новой Земли.

